
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (3)

СПАРТАНСКАЯ РЕФОРМА В АРГОСЕ В 198 Г. ДО Н.Э.: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.Ю. СИВКИНА*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского**e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru*

Аргос был одним из крупных городов Ахейской лиги и имел тесные связи с Македонией. В ходе второй римско-македонской войны Ахейский союз перешел на сторону римлян, но Аргос остался верен Македонии. Политический выбор Аргоса в 198 г. был вызван опасением социального конфликта в городе. Однако македонский царь Филипп V передал город спартанскому тирану Набису, который провел в Аргосе радикальные социальные реформы. Филипп пожертвовал городом из политических соображений, в надежде на раскол в рядах противника. Для спартанцев и римлян реформы в Аргосе были лишь средством для обогащения, устранения политических противников и достижения внешних целей.

Ключевые слова: Аргос, Македония, Филипп V, Набис, Фламиний, Эллинистическая Спарта, Ахейский союз.

Ситуация в Пелопоннесе на рубеже III–II вв. до н.э. характеризуется постоянными конфликтами между Спартой и Ахейским союзом. Вся политика Спарты в эллинистическую эпоху определялась двумя взаимосвязанными целями: возвращением Мессении и восстановлением господства в Пелопоннесе¹. Вторая римско-македонская война (200–196 гг. до н.э.) обострила отношения между государствами Пелопоннеса, оказав существенное влияние не только на международную расстановку сил, но и на жизнь отдельных греческих полисов.

В противостоянии Спарты и Ахейского союза с конца III в. до н.э. наблюдалось переплетение политических и социальных интересов. Социальные проблемы охватили все государства Греции: низкий уровень жизни, спад экономики во время войн вынуждали земледельцев брать в долг. В случае неуплаты долга они легко теряли свои участки; греки постоянно были вынуждены решать проблему обезземеливания путем выведения колоний, завоеванием соседних территорий или реформ. Сельская местность сильнее всего страдала от военных действий. Как правило, опустошения, производимые врагом, не были актом мести, это был запланированный удар по экономическим ресурсам противни-

---

¹ Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 197; David E. Sparta between Empire and Revolution (404–243 B.C.): internal problems and their impact on contemporary Greek consciousness. New York, 1981. P. 95.

ка². Поэтому почва для социального конфликта никогда не исчезала в греческих государствах. В 229–222 гг. до н.э. в Пелопоннесе шла так называемая Клеоменова война, в которой возродившее спартанским царем Клеоменом III мощное «милитаристское» государство едва не стерло Ахейскую федерацию с политической карты Греции. Кризис союза был вызван рядом причин, среди которых не последнюю роль играл социальный аспект. Характерно, что в ходе этой войны беспрецедентная волна «революционного энтузиазма» охватила территорию Ахейской лиги³. Выход из сложнейшей ситуации был найден стратегом Ахейского союза Аратом, который заключил в 224 г. до н.э. союз с македонским царем Антигоном Досоном, результатом которого стало создание Эллинской лиги. С образованием этой организации социальный вопрос в Ахейском союзе потерял остроту. В договоре лиги существовала гарантия *πάτριος πολιτεία*⁴, которая закрепляла у власти те правительственные круги, что существовали в этих государствах на момент подписания договора. Фактически, граждане Ахейского союза извлекли экономические выгоды от образования лиги. В новом объединении не существовало налогов, как это бывает при непосредственном подчинении монархии. Торгово-ремесленные круги получили возможность расширить контакты с другими полисами и наладить рынки сбыта, что сгладило остроту противоречий между полисами торговыми и земледельческими⁵.

Аргос был одним из крупных городов Ахейской лиги. Территория Арголиды – одна из наименее благоприятных областей Пелопоннеса⁶, почти целиком аграрная⁷. Поэтому в годы Клеоменовой войны в Аргосе были сторонники преобразований в духе спартанских реформ среди рядовых граждан⁸, были и политические противники ахейского стратега Арата⁹, что толкнуло население города к измене. Однако социальных преобразований не последовало, поэтому полис вновь вернулся в состав союза¹⁰. Плутарх (Сleit. 20. 6) упоминает, какое разочарование царило в Аргосе при отказе Клеомена отменить долги. В дальнейшем Аргос сохранял верность лиге, выступлений бедноты здесь не зафиксировано.

Особо следует отметить близкие отношения жителей полиса с македонским царским домом. Ливий (XXVII. 30. 9), например, сообщает, что в 209 г. Филиппу V аргосцы поручали устройство Немейских игр, опираясь на происхождение македонских царей из этого города. Это верно в случае с династией Аргеадов, ведь согласно версии Веллея Патеркула (I. 6. 5), Александр Великий хвалился своим происхождением по отцу от Геракла через аргосца Карана, «мужа царского рода». Как отмечал Геродот (VIII. 137–139), род македонских царей идет от аргосца Темена¹¹. Однако Антигониды не имели никакого отношения к Аргосу, они вели свое происхождение, предположительно, из Берои¹². Впрочем, все эллинистические династии тем или иным способом старались показать преемственность своей власти от Александра. Как известно, македонский царь Филипп V тоже намекал на свое родство с Филиппом и Александром через эпирскую линию. Кроме того, Филипп V демонстрировал¹³ кровные узы с этим полисом через культ Персея, чьей родиной был Аргос. Даже своего старшего сына Филипп V назвал Персеем (это имя впервые

² Chaniotis A. *War in the Hellenistic world: a social and cultural history*. Blackwell Publishing, 2005. P. 122.

³ Tarn W.W. *The Greek Leagues and Macedonia* // *CAH*. Vol. 7. 1928. P. 755, 757.

⁴ Стандартное выражение, использованное Полибием (IV. 25. 7), позволяет утверждать, что данная гарантия была внесена в официальный документ: Hammond N.G., Walbank F.W. *A history of Macedonia*. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 353; Hammond N.G. *The Macedonian State. Origins, institutions and history*. Oxford, 1989. P. 326.

⁵ Ferrabino A. *Il problema della unità nazionale nella Grecia*. I. Arato di Sicyone e l'idea federale. Firenze, 1921. P. 110; Walbank F.W. *Aratus of Sicyon*. Cambridge, 1933. P. 105.

⁶ Cary M. *The Geographic Background of Greek and Roman History*. Oxford, 1949. P. 86.

⁷ Rostovtseff M. *The social and economic history*. Vol. 1–3. Oxford, 1941. P. 214.

⁸ По мнению В. Тарна, большинство аргивян традиционно стояло за Македонию, но когда надо было выбирать между Македонией и революцией, массы выбрали последнее: Tarn W. *Op. cit.* P. 757.

⁹ Например, бывший тиран Аристоммах, которого Ф. Уолбэнк называет сообщником Клеомена еще до взятия Аргоса: Walbank F. W. *Op. cit.* P. 96.

¹⁰ Сизов С.К. *Ахейский союз*. М., 1980. С. 116.

¹¹ О зарождении этой легенды см.: Borza E.N. *Athenians, Macedonians and the Origins of the Macedonian Royal House* // *Hesperia Supplements*. 1982. Vol. 19. P. 7–13.

¹² Кузьмин Ю.Н. *Деметрий II – соправитель Антигона Гоната* // *Antiquitas aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 70; Edson C.F.Jr. *The Antigonids, Heracles, and Beroea* // *HSCPh*. 1934. Vol. 45. P. 241; Tataki A.B. *A Medusa of Beroea: a historical interpretation* // *Ποικίλα (Μελετήματα 10)*. Αθήνα P. 247; Idem. *New elements for the society of Beroea* // *Ancient Macedonia. Sixth international symposium*. Vol. 2. 1999. P. 1116.

¹³ Tataki A.B. *A Medusa of Beroea*. P. 257.

встречается в царской семье). Первая жена царя – Поликратия – происходила, вероятно, из семьи Поликрата из Аргоса, влиятельного придворного при Птолемее Филопатере и Птолемее Эпифане¹⁴. В 198 г. до н.э., когда на собрании Ахейского союза было принято решение порвать договор с Филиппом и выступить на стороне римлян, представители Аргоса с негодованием удалились. Их отъезд не вызвал удивления в собрании, все знали об особых тесных связях города с Македонией.

Стоит отметить, что Филипп никогда не проводил никаких социально-экономических реформ в Аргосе. В 209 г. до н.э. царь прибыл на Немейские игры и демонстрировал народу свою демократичность. Тит Ливий, например, рассказывает (XXVII. 31. 4), что на празднике он, угождая народу, снял царский убор с головы, скинул пурпурный плащ и вообще всю царскую одежду и обликом сравнялся со всеми – для свободных граждан нет ничего приятнее. Об этом же упоминает и Полибий (X. 26. 1). Однако ахейский историк добавляет, что царь вел себя неподобающим образом в отношении аргивских женщин как замужних, так и вдов, врывается в их дома, оскорбляет их сыновей и мужей (X. 26. 2–4). Как верно подметила Д. Мендельс¹⁵, Полибий проводит последовательную связь между демократическим поведением и незаконным, отсюда его высказывание, что чем более простые одежды носил царь, тем более неограниченной становилась его власть (X. 26. 2). Возможно, историк несколько увлекся, преувеличив деяния Филиппа. Из описания демократичного поведения царя на празднике не стоит делать вывод о стремлении найти опору своей власти в низах общества. Поведение не определяет политику в целом. Царь в данном случае сыграл нужную ему роль, создал тот образ правителя, который от него ожидали¹⁶. Что касается конкретных действий царя в пользу бедноты Аргоса, то таких свидетельств нет.

Спарта после смерти Клеомена в 219 г. до н.э. продолжала вести агрессивную внешнюю политику. Новый царь Ликург сражался против Эллинской лиги в 220–217 гг. После нескольких мирных лет в правление Маханида (ок. 211–207 гг.) был заключен союз с Римом, боевые действия велись в Пелопоннесе против ахейцев. Однако поражение и смерть Маханида при Мантинее в 207 г. до н.э. от ахейского стратега Филопемена привело к временному ослаблению Спарты. Вскоре после этого к власти в Спарте пришел новый энергичный правитель – тиран Набис, который в короткий срок сумел провести важнейшие преобразования во всех сферах жизни Спарты и снова, хоть и на короткое время, сделать ее одним из сильнейших полисов в Греции. Являясь союзником Рима, Набис, конечно, не сожалел, когда Сенат провозгласил вторую войну против Македонии. Для Спарты это означало войну с Эллинской лигой, точнее с одним из ее основных участников – с Ахейским союзом.

В ходе второй римско-македонской войны ахейцы предали своих союзников, перейдя на сторону римлян. Ливий указывает, что ахейцы были обязаны македонянам многими благодеяниями (Liv. XXXII. 22. 9–11), но в 198 г. ахейцы не долго колебались в выборе между Македонией и Римом. Для них довольно серьезным аргументом, вероятно, оказалось обещание римлян вернуть Коринф под ахейский контроль (Liv. XXXII. 19. 4; Polyb. XVIII. 2. 5). Не последнюю роль в выборе ахейцев сыграло стремление найти поддержку для борьбы с Набисом, которой не могла оказать занятая собственными проблемами Македония. При этом Аргос остался в союзе с Филиппом (Liv. XXXII. 25. 1–11).

Это изменение политики Ахейского союза сблизило Спарту и Македонию, хотя парадокс ситуации заключался в том, что теперь Спарта и Ахейский союз становились союзниками в войне против Македонии. Филокл, посланный командовать македонскими гарнизонами в Коринфе и Аргосе, от имени царя Филиппа предложил Набису передать в его

¹⁴ Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. 2 Abt. Berlin–Leipzig, 1927. S. 139–140.

¹⁵ Mendels D. Polybius, Philipp V and the Socio-economical Questions in Greece // Ancient Society. Louvain, 1977. Vol. 8. P. 171.

¹⁶ Многочисленные анекдоты об эллинистических правителях наглядно демонстрируют, что все они создавали желаемый публичный имидж посредством выбора своего сопровождения, меняя свои одеяния и т.п. Известно, что Антиох IV нередко снимал царское облачение и обходил рынок, пожимая руки граждан (Polyb. XXVI. 1. 5), Птолемей XII был флейтистом и участником мимических представлений (Strabo. XVII. 1. 11). Поведение Филиппа V в сравнении с такими царями выглядит довольно скромным. Подробнее см.: Ханиотис А. Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире // Antiquitas aeterna. Вып. 1: Эллинистический мир. Казань, 2005. С. 174–180 и 189.

руки Аргос¹⁷ (Liv. XXXII. 38. 2–3). Решение Филиппа можно объяснить тем, что защищать Аргос, ведя одновременно войну с римлянами в Фессалии (Polyb. XVIII. 18–20) и с ахейцами за Коринф (Liv. XXXII. 23), было невозможно, тем более что Филипп испытывал трудности с набором армии (Liv. XXXIII. 3. 2–4).

Передав Аргос Набису, Филипп, с одной стороны, лишил своего бывшего союзника и нынешнего врага важнейшего города, а с другой – приобретал союзника в Пелопоннесе или, как минимум, вносил раскол в ряды противника. Передача Аргоса Набису должна была оживить старый конфликт между Спартой и Ахейским союзом, что было на пользу Филиппу. Для македонского же царя обстоятельства сложились таким образом, что верность Аргоса он мог оценить лишь с точки зрения политической выгоды, а не морали. Допустимо предположение, что царь, зная социальную ситуацию в городе и амбиции Набиса, мог предвидеть дальнейшие события и сознательно рассчитывал использовать их в своих интересах.

Ливий говорит, что Филипп передал Аргос Набису «как бы на сохранение»: в случае победы македонского царя город должен быть ему возвращен, в противном случае Набис мог оставить его себе (Liv. XXXII. 38. 2). А. Эймар видит здесь противоречие: если бы Филипп передал город на таких условиях, Набис естественно бы желал его поражения¹⁸. Ж.–Ж. Тексье также считает, что незачем было усложнять условия соглашения¹⁹. Конечно, это только версия. Возможно, оговорка была сделана, чтобы не напугать богатых аргивян: под властью Спарты город должен был находиться временно.

Набис поддался на провокацию Филиппа, хотя сначала отказывался взять город иначе, как по приглашению самих граждан, но встретил в их лице значительную оппозицию (Liv. XXXII. 38. 4–5). Причины ее понятны: старая враждебность двух полисов, а также опасения богатых граждан повторения в их городе реформ по примеру Спарты. Тогда тиран велел Филоклу передать ему город. Ночью Набис тайно вошел в Аргос и запер ворота, лишь немногим из числа знати удалось ускользнуть (Liv. XXXII. 38. 5–7).

На момент перехода города под власть Набиса социальная ситуация в нем была близкой к той, которая существовала в Спарте примерно 10 лет назад. Все население делилось на три группы: а) привилегированное меньшинство, обладающее богатствами и политическим могуществом; б) многочисленный демос, частично лишенный земли и обремененный долгами; в) гимнеты – закабаленное местное население (греческое), напоминающее по своему положению спартанских илотов²⁰. Вероятно, в политическом плане зажиточные слои были ориентированы на Македонию.

Став хозяином Аргоса, Набис провел здесь реформы по примеру осуществленных им в Спарте. Противники Набиса из числа богатейших граждан были или изгнаны, или казнены, их имущество конфисковали. После этого Набис предложил народному собранию аргивян немедленно принять два закона: о распределении земли и отмене долгов, при этом Тит Ливий указывает, что целью данных мероприятий было желание Набиса распалить чернь против знати (Liv. XXXII. 38. 7–9). Вполне возможно, что были освобождены и гимнеты²¹.

В свое время спартанский реформатор Клеомен III не провел социальных преобразований в Аргосе, которых с надеждой ожидало население, и это явилось одной из причин его поражения. Дело, видимо, в том, что целью реформ Клеомена были не социальные преобразования как таковые, и тем более не «экспорт революции», а возрождение военного и политического могущества Спарты, ее гегемония в Пелопоннесе. Это было «спартанское решение проблемы, не применимое больше нигде»²². Набис поступил иначе, хотя цели его реформ были те же, что и у Клеомена: превращение Спарты в мощную военную и полити-

¹⁷ Подробнее см.: Eckstein A.M. Nabis and Flaminius on the Argive revolutions of 198 and 197 B.C. // Greek, Roman and Byzantine studies. Durham, 1987. Vol. 28. № 2. P. 213–233.

¹⁸ Aymard A. Les premiers rapports de Rome et de la Confédération Achéenne (198–189 av. J.C.). Paris, 1938. P. 134.

¹⁹ Texier J.–G. Nabis. Paris, 1975. P. 50.

²⁰ Texier J.–G. Op. cit. P. 45.

²¹ Texier J.–G. Op. cit. P. 58.

²² Oliva P. Op. cit. P. 258.

ческую силу Пелопоннеса, а социально-экономические преобразования были лишь средством реализации главной цели.

Можно, конечно, предположить, что, в отличие от Клеомена, Набис стремился к «экспорту революции»²³. Но это кажется маловероятным. Возможно, Набис стремился к созданию на территории Пелопоннеса государства эллинистического типа, и проведение реформ в Аргосе по типу спартанских должно было способствовать этому²⁴. Однако трудно представить, что спартанский царь заглядывал так далеко и лелеял столь грандиозный замысел. Стоит вспомнить, что Набису приходилось действовать в более сложной обстановке, нежели Клеомену. Он нуждался в расширении социальной базы своей власти и поэтому постарался обеспечить себе поддержку со стороны населения Аргоса²⁵. С другой стороны, Набис вполне мог извлечь урок из «аргосской ошибки» своего предшественника. Возможно, Набис был современником Клеомена и мог непосредственно помнить, чего стоила Спарте политика царя в Аргосе.

Сразу после осуществления реформ Набис и вовсе нарушил договоренности с Македонией: он известил Фламинина и пергамского царя Атгала I, что Аргос находится в его власти, и пригласил их прибыть на переговоры. Набис, вероятно, хотел получить больше гарантий удержать Аргос в своих руках²⁶. Желая как можно скорее закончить войну с Македонией, Фламинин принял приглашение. На переговорах, состоявшихся недалеко от Аргоса, в местечке Микеника присутствовал также ахейский претор Никострат. Фламинин выдвинул два требования: прекратить войну с ахейцами и послать помощь против Филиппа. Атгал поднял вопрос об Аргосе, он утверждал, что тиран силой удерживает город, тогда как Набис возражал, что граждане сами позвали его для защиты. В результате Набис заключил перемирие с ахейцами на 4 месяца (Liv. XXXII. 39–40). В целом, ахейцы были недовольны результатами встречи²⁷.

После этого, оставив правителем в Аргосе пелленца Тимократа²⁸, Набис возвратился в Спарту. В городе остался лакедемонский гарнизон (Liv. XXXII. 40. 10). Через несколько дней царь послал в Аргос свою супругу, которая предположительно была дочерью аргосского тирана²⁹, с поручением добыть денег. Полибий пишет, что жестокостью она превзошла даже Набиса (Polyb. XVIII. 17; Liv. XXXII. 40. 11). Скорее всего, описания произвола Набиса и его жены даны Полибием со слов аргивских изгнанников, которые преувеличили свои страдания³⁰. Вероятно, их горе усиливалось от осознания предательства, совершенного в отношении них македонским царем, ради кого они недавно сами нарушили союзные обязательства и сами лишили себя возможности получить помощь от Ахейской федерации.

Однако конфискация собственности была только одним из пунктов обширной социальной программы Набиса, осуществленной в Аргосе. То, что для Полибия – грабеж и незаконие – вполне можно квалифицировать как проведение социальных реформ по типу спартанских³¹. Более того, нельзя отрицать, что низы общества, видимо, поддержали спартанские преобразования. Ведь кроме несомненного обогащения владение Аргосом принесло Набису усиление его военной мощи: 2000 аргосцев под началом Пифагора ушли в Спарту в 195 г. (Liv. XXXIV. 29. 14; 41. 2).

После окончания второй македонской войны Ахейский союз попытался подтолкнуть Рим к принятию каких-то мер против Набиса, в чем он нашел поддержку и у других союзников Рима: Пергама и Родоса. Преемник Атгала Эвмен II настаивал на освобождении Ар-

²³ Texier J.-G. Op. cit. P. 59; Aymard A. Op. cit. P. 138.

²⁴ Texier J.-G. Op. cit. P. 62.

²⁵ Кошеленко Г.А. Греция в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 171.

²⁶ Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1–2. Berkeley– Los Angeles–L., 1984. P. 446.

²⁷ Aymard A. Op. cit. P. 152–154.

²⁸ П. Кэртледж предполагает, что он был из новых граждан, периэков: Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta, a tale of two cities. London; New York, 1989. P. 75.

²⁹ Walbank F.W. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 421.

³⁰ Oliva P. Op. cit. P. 287.

³¹ Д. Мендельс считает, что реформы, проведенные Набисом в Аргосе, были, возможно, более радикальными, чем в самой Спарте. См.: Mendels D. Polybios, Nabis and Equality // Athenaeum. 1979. № 57. P. 315, 328.

госа, тогда как Родос желал избавления от конкуренции спартанцев на море³². Война против Набиса стала возможной после объявления Фламинином «свободы греческих городов» на Истмийских играх в Коринфе в 196 г.³³ (Polyb. XVIII. 46. 1–15; Liv. XXXIII. 32. 1–33. 8; Plut. Phil. XV. 2; Flam. X. 3–XII. 1). Хотя в 197 г. в ходе переговоров в Микенике Фламинин фактически признал власть Набиса над Аргосом, официально вопрос так и не был решен (Liv. XXXII. 40. 1–3). Рим в борьбе против Македонии поддерживал то аристократов, то демагогов в соответствии с собственными интересами, не имея последовательной социальной программы. Такая позиция, особенно в период войн, могла привести лишь к еще большему ухудшению положения народных масс, вызывая волну социальных конфликтов в греческих государствах³⁴.

Обсуждая дела в Греции, сенат решил оставить на усмотрение Фламинина вопрос о войне против Набиса (Liv. XXXIII. 45. 3–4). Весной 195 г. в Коринфе на конференцию собрались римские союзники, на которой было решено начать боевые действия против Набиса (Liv. XXXIV. 24. 5–7). Ливий дает детальное описание кампании (Liv. XXXIV. 25–41). Войска римлян и союзников были стянуты к Аргосу, обороной которого руководил зять Набиса Пифагор (Liv. XXXIV. 25. 1–5). В городе вспыхнуло восстание оппозиции, но оно было подавлено (Liv. XXXIV. 25. 6–12). Тем временем Фламинин созвал военный совет. Все греческие военачальники считали, что необходимо взять Аргос, т.к. он был причиной войны, лишь ахеец Аристен высказал мнение, что надо идти на Лакедемон, и Фламинин с ним согласился³⁵ (Liv. XXXIV. 26. 4–8).

После падения Гития Набис встретился с обоими братьями Фламининами, царем Эвменом, родосцем Сосилом, вождем ахейцев Аристом (Liv. XXXIV. 30. 21–7). Ливий пересказывает дискуссию Набиса и Фламинина. Спартанский царь защищал легальность своего владения Аргосом, а также оправдывал свою социальную политику следованием обычаям и установлениям предков (Liv. XXXIV. 31). Условия мира были очень тяжелыми для Спарты (Liv. XXXIV. 35). Набис лишился военных, финансовых, людских ресурсов, мощь Лакедемона должна была резко упасть. Впрочем, по мнению союзников, условия были недостаточно жесткими: они не требовали возвращения изгнанников и оставляли тирану власть³⁶. Позицию Фламинина можно понять: он не хотел лишать Спарту независимости, в Пелопоннесе должен был остаться противовес Ахейской лиге³⁷. Тем временем в Аргосе произошел переворот, в результате которого спартанцы были изгнаны (Liv. XXXIV. 40. 5–7). Вскоре Фламинин прибыл в Аргос, где в честь него устроили Немейские игры, и ему были оказаны величайшие почести (Liv. XXXIV. 41. 1–3).

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что социальные проблемы в греческих государствах к началу II в. до н.э. так и не были решены. В Ахейской федерации правительство сумело снять остроту противоречий и контролировало ситуацию благодаря вхождению в состав Эллинского союза. Роспуск лиги означал конец македонского присутствия, а, следовательно, и перемены в жизни разных слоев населения. Политический выбор Аргоса в 198 г. в пользу Македонии был вызван не только узами гостеприимства, но и опасением социального конфликта в городе при возможной поддержке низов общества извне, поэтому богатые круги полиса, промакедонски настроенные, лишь в Филиппе видели гаранта своего положения. Филипп V на протяжении своего правления оставался верным курсу своих предшественников и опирался на зажиточные круги греческих государств, македонские цари никогда не прибегали к эксплуатации популистских лозунгов. Однако вмешательство римлян в греческие дела, а затем вторая римско-македонская война кардинально изменили не только политику отдельных государств, но

³² Oliva P. Op. cit. P. 288.

³³ О «свободе греков» см., например: Larsen J.A.O. Was Greece Free between 196 and 146 B. C.? // CPh. 1935. Vol. 30. No. 3. P. 193–214; Walsch J.J. Flamininus and the propaganda of liberation // Historia. 1996. №. 3. P. 344–363.

³⁴ Подробнее см.: Gruen E.S. Class Conflict and the Third Macedonian War // AJAH. Series 1. Vol. 1. № 1. 1976. P. 29–60.

³⁵ А. Эймар считает, что у Фламинина были причины думать, что народ Аргоса будет отчаянно защищаться бок о бок со спартанцами, опасаясь, что вернувшиеся олигархи восстановят старые порядки. См.: Aymard A. Op. cit. P. 216.

³⁶ Oliva P. Op. cit. P. 295.

³⁷ Cartledge P., Spawforth A. Op. cit. P. 76.

и придали новый толчок социальной борьбе. В 198 г. после измены ахейцев Филипп сознательно предал аргосцев из политических соображений, фактически подтолкнув спартанского тирана Набиса на проведение в Аргосе реформ. Едва ли царь поступил бы так, если бы союзники по Эллинской лиге сохранили верность своему гегемону. Не лучше македонян поступили с Аргосом спартанцы и римляне, для них социальные мероприятия также были лишь средством для обогащения, устранения политических противников и достижения внешних целей.

SPARTAN REFORM IN ARGOS IN 198 BC: A SOCIAL AND POLITICAL DIMENSION

N.YU. SIVKINA

N. Novgorod State University

e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

Argos has been one of the important cities of the Achaean league, and had close relations with Macedonia. During the second Macedonian war achaean went over to the Romans, but Argos stayed true to Macedonia. Political choice of Argos in 198 BC was caused by fear of social conflict in the city. However, the Macedonian king Philip V handed over the town to the Spartan tyrant Nabis, which held in Argos radical social reform. Philip donated the city for political reasons, hoping for a split in the ranks of the enemy. For the Spartans and Romans this reform in Argos was only a means to enrich, to eliminate political opponents and to achieve political purposes.

Keywords: Argos, Macedonia, Philip V, Nabis, Flamininus, Hellenistic Sparta, Achaean league.